

## Жена — эпизод 17 из 19

Не хлопотала, не беспокоилась, не суежилась, а вышло так, что она теперь первая персона во всем уезде. Почти всё дело у нее в руках и около нее все: и доктор, и земские начальники, и барыни. У настоящих людей это как-то само собой выходит. Да... Яблоне не надо беспокоиться, чтобы на ней яблоки росли сами вырастут.

Не беспокоятся равнодушные, сказал я.

А? Да, да... забормотал Иван Иванович, не расслышав. Это верно... Надо быть равнодушным. Так, так... Именно... Будь только справедлив перед богом и людьми, а там хоть трава не расти.

Экчеленца, сказал торжественно Соболев, посмотрите вы на окружающую природу: высунь из воротника нос или ухо откусит; останься в поле на один час снегом засыплет. А деревня такая же, какая еще при Рюрике была, нисколько не изменилась, те же печенег и половцы. Только и знаем, что горим, голодаем и на все лады с природой воюем. О чем бишь я? Да! Если, понимаете ли, хорошенько вдуматься, взглядеться да разобрать эту, с позволения сказать, кашу, то ведь это не жизнь, а пожар в театре! Тут кто падает или кричит от страха и мечется, тот первый враг порядка. Надо стоять прямо и глядеть в оба и ни чичирк! Тут уж некогда нюни распускать и мелочами заниматься. Коли имеешь дело со стихией, то и выставляй против нее стихию, будь тверд и неподатлив как камень. Не так ли, дедушка? повернулся он к Ивану Ивановичу и засмеялся. Я сам баба, тряпка, кисляй кисляич и потому терпеть не могу кислоты. Не люблю мелких чувств! Один хандрит, другой трусит, третий войдет сейчас сюда и скажет: Ишь ты, уперли десять блюд и заговорили о голодающих! Мелко и глупо! Четвертый попрекнет вас, экчеленца, что вы богаты. Извините меня, экчеленца, продолжал он громко, приложив руку к сердцу, но то, что вы задали нашему следователю работу, что он ваших воров день и ночь ищет, извините, это тоже мелко с вашей стороны. Я выпивши, потому и говорю это сейчас, но понимаете ли, мелко!

Кто его просит беспокоиться, не понимаю? сказал я, вставая; мне вдруг стало невыносимо стыдно и обидно, и я заходил около стола. Кто его просит беспокоиться? Я вовсе не просил... Чёрт его подери совсем!

Троих арестовал и выпустил. Оказались не те, и теперь новых ищет, засмеялся Соболев. Грехи!

И я вовсе не просил его беспокоиться, сказал я, готовый заплакать от волнения. К чему, к чему всё это? Ну, да, положим, я был не прав, поступал я

дурно, положим, но зачем они стараются, чтобы я был еще больше не прав? Ну, ну, ну, ну! сказал Соболев, успокаивая меня. Ну! Я выпивши, потому и сказал. Язык мой враг мой. Ну-с, вздохнул он, поели, наливки попили, а теперь на боковую.

Он встал из-за стола, поцеловал Ивана Ивановича в голову и, пошатываясь от сытости, вышел из столовой. Я и Иван Иванович молча покурили.

Я, родной мой, не сплю после обеда, сказал Иван Иванович, а вы пожалуйста в диванную, отдохните.

Я согласился. В полутемной, жарко натопленной комнате, которая называлась диванною, стояли у стен длинные широкие диваны, крепкие и тяжелые, работы столяра Бутыги; на них лежали постели высокие, мягкие, белые, постланные, вероятно, старушкою в очках. На одной постели, лицом к спинке дивана, без сюртука и без сапог, спал уже Соболев; другая ожидала меня. Я снял сюртук, разулся и, подчиняясь усталости, духу Бутыги, который витал в тихой диванной, и легкому, ласковому храпу Соболева, покорно лег.

И тотчас же мне стали сниться жена, ее комната, начальник станции с ненавидящим лицом, кучи снега, пожар в театре... Приснились мужики, вытащившие у меня из амбара двадцать кулей ржи...

Все-таки это хорошо, что следователь отпустил их, говорю я.

Я просыпаюсь от своего голоса, минуту с недоумением смотрю на широкую спину Соболева, на его жилетную пряжку и толстые пятки, потом опять ложусь и засыпаю.

Когда я проснулся в другой раз, было уже темно. Соболев спал. На душе у меня было покойно и хотелось поскорее домой. Я оделся и вышел из диванной.

Иван Иванович сидел у себя в кабинете в большом кресле совершенно неподвижно и глядел в одну точку, и видно было, что в таком состоянии оцепенения он находился все время, пока я спал.

Хорошо! сказал я, зевая. У меня такое чувство, как будто я проснулся после розговенья на Пасху.